

УДК 820

Н.В. Абрамкина

Севастопольский национальный технический университет

Студгородок, г. Севастополь, Украина, 99053

E-mail: root@sevgtu.sebastopol.ua

РАЗВИТИЕ ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКОЙ МЫСЛИ В XX ВЕКЕ

В статье анализируются литературоведческие школы XX века – психоанализ, феноменология, рецептивная критика и др.

Академические школы в западноевропейском и русском литературоведении конца XIX века занимали разные, порой, прямо противоположные позиции в отношении проблем литературоведения. Научная поэтика и интерпретация противопоставлялись друг другу представителями формальной школы и структурализма. Формалисты стремились отделить свой предмет от предметов других, смежных наук. В первой половине XX века в советском литературоведении доминирующим стал марксистский принцип исследования литературы, который признавался единственно правильным в противовес всем другим "ошибочным, которые приводят к неверному пониманию литературы".

В работах 20-х годов двадцатого столетия "психологическое" направление в филологии противопоставлялось социологическому, имело место отрицание биографического метода исследования. В то же время появились сторонники фрейдистских и интуитивистских концепций. В 30-е годы давала о себе знать другая крайность, когда творчество объявлялось сплошь "сознательным", а понятие "бессознательного" и "подсознательного" квалифицировалось как "мистико-идеалистическая контрабанда" (Прозоров).

Пестрота школ в гуманитарных науках и поляризация точек зрения определяется, на наш взгляд, двумя типами построения теоретических концепций: сциентистским и антропологическим, обусловленных, в свою очередь, двумя типами мышления: монологическим и диалогическим. С этой точки зрения объяснима, например, полемика между Ф. Достоевским и М. Щедриным, критика М. Булгакова В. Шкловским, В. Шкловского – М. Бахтиным, З. Фрейда – К. Юнгом, К. Юнга – Ж. Лаканом, Г. Башляра – "новой критикой", неприятие М. Щедрина С. Трубачёвым, В. Розановым и др. С другой стороны, ни одна модель развития художественной культуры не может оставаться статичной, так как мы живем в меняющемся мире. Течения, аналогичные, например, авангарду и постмодернизму, практически в каждую эпоху представляли собой противоположные по смыслу реакции на господствующий в культуре стиль, два главных способа отталкивания от собственного культурного прошлого. По отношению к русскому символизму авангардистской реакцией стал футуризм, а постмодернист-

ской – акмеизм. Футуризм в свою очередь вызвал в качестве постмодернистской реакции задушенное обериутство, а в качестве авангардистской – социалистический реализм.

В первой половине минувшего столетия была сильна поляризация монистических и диалогических направлений в теории литературы. Монологическим Бахтин называет "анализ многих людей в свете одного сознания". В широком смысле понятие "монологизм" охватывает не только сциентистское направление, но и любое другое, исключаящее плюрализм мнений и точек зрения. Среди монистических теорий следует отметить структурализм, нарратологию, марксистское социологическое литературоведение, психоаналитический метод с опорой на З.Фрейда, некоторые неопозитивистские социологические школы, в некоторой степени "новую критику".

Собственно литературоведческий структурализм сложился в результате деятельности условно называемой "Парижской семиологической школы" (ранний Р.Барт, Цв.Тодоров, Ж.Женнет и др.). Структурализм отказался от резкого противопоставления формы и содержания. Методологической основой структурализма, по Лотману, является диалектика. На рубеже 80-х годов большинство из бывших структуралистов перешли на позиции постструктурализма и деконструктивизма, а те исследователи, которые остались верны структуралистским установкам, сосредоточили свои усилия в сфере нарратологии, которая на нынешнем этапе своего существования может рассматриваться как современная форма структурализма. Это литературоведческая дисциплина, занимающая промежуточное положение между структурализмом и феноменологически ориентированными школами критики. Формирование неокритической теории проходило в борьбе с основными направлениями критического исследования литературы второй половины XIX в.: позитивизмом, импрессионистической критикой, культурно-исторической школой. Главной задачей литературоведения провозглашалась разработка методики аналитического чтения и на его основе формально-стилистического толкования текста литературного произведения. В основу исследования был положен изолированно взятый текст.

Говоря о психоанализе, исследователи часто не делают различия между фрейдовским и юнговским пониманием бессознательного. В первом случае речь идет о личностных содержаниях, во втором – о коллективном бессознательном. Первый, кто охарактеризовал психоаналитический метод с опорой на З.Фрейда в литературоведении как "редуцирующий смысл" (по Рикёру), был Юнг. Таким образом, течения и школы, ограниченные рамками монистического направления, объединяет стремление построить методологию научного исследования, придать своим концепциям форму точной науки и исключить из сферы рассмотрения мировоззренческие, социальные и идеологические проблемы.

Сторонники диалогического направления (герменевтики, феноменологии, мифологической критики, рецептивной эстетики и др.) исходят из фиксации моральных, психологических состояний творящей и воспринимающей личности. Они считают, что произведение искусства не может быть постигнуто эмпирическим путём, но может быть лишь пережито, прочувствовано, интуитивно познано. В современной научной парадигме герменевтика проявляется как методологическая основа гуманитарного знания, в том числе искусствоведения и литературоведения. Предметом литературной герменевтики, как и философской, является интерпретация, понимание.

С герменевтикой связана феноменология. В США в русле феноменологической методологии существуют три школы: рецептивная критика, критика сознания; школа критиков Буффало. Предметом исследования в данных литературно-критических школах выступают феномены сознания. Представители рецептивной эстетики внесли в рассмотрение социологический аспект ситуации интерпретации, ввели в поле исследования литературы её читателя. Несмотря на разницу в подходах и целях исследования (критики сознания, например, рассматривают текст как воплощение сознания автора, мистически разделяемое восприимчивым читателем; критики школы Буффало утверждают, что читатель бессознательно оформляет и детерминирует текст в соответствии со своей индивидуальностью; рецепционисты рассматривают текст в качестве "контролера" процесса откликов читателя), все они подчеркивают активную роль читателя как субъекта эстетического восприятия. Трудности, связанные с созданием единой рецептивной теории, коренятся в сложности и многосоставности самого предмета исследования, предполагающего мультидисциплинарный, многоотраслевой аналитический подход. Такая точка зрения коррелирует с высказыванием В. Прокурова о том, что "в сфере общего или теоретического литературоведения разноречивых мнений и точек зрения неустрашим в принципе".

Мифологическая критика – влиятельное направление в англо-американском литературоведении XX века, именуемое также "ритуальной" и "архетипной" критикой. Ритуальная ветвь мифологической критики берет начало в исследованиях Дж. Фрейзера, "архетипная" – порождена концепциями К.Г. Юнга. Выше была отмечена разница в подходах Фрейда и Юнга к исследованию проблем, которую следует дополнить исследованиями отечественных ученых, т.е. дифференцировать понятия сознательное/бессознательное по Г. Пospelову, который различает два аспекта в составе литературного произведения: "передний план"/"фон, на котором проходят основные мотивы и сцены и который далеко не всегда составляет сферу осознанных художественных намерений автора" и, по терминологии Д. Лихачева, слой "активного воздействия на читателя" / слой "пассивный", являющийся

мировоззренческим фоном, который приходит в произведение от укорененных в обществе представлений непроизвольно, как бы минуя авторское сознание. В первом случае ("фон" Г. Пospelова) речь идет о содержании архетипов коллективного бессознательного; "пассивный слой", о котором говорит Д.С. Лихачев, относится к области "культурного бессознательного".

Между направлениями монологического и диалогического характера также существует некоторая взаимосвязь. Психоаналитические и мифологические школы, а также школа критиков Буффало исследуют проблему бессознательного, в то время как структурализм, нарратология, феноменология и рецептивная эстетика занимаются исследованием проблем на уровне сознания. Определенную связь феноменологии и структурализма отмечает К. Штайн, ссылаясь на высказывание У. Эко, о том, что "различие между структурализмом и феноменологией есть различие между универсумом абстракции и опытом конкретного". Феноменологические и герменевтические школы объединяет стремление поставить в центр своих исследований – человека, его внешний и внутренний мир, что созвучно идеям когнитологов (маркированной позицией которых является антропоцентристская концепция видения мира) о том, что "в центре внутреннего мира каждого человека находится он сам, а мир воспринимается как межсубъектная действительность". В. Хализев отмечает связи формальной школы на её ранних этапах с футуризмом, ряда работ 30-50-х годов с социалистическим реализмом, французского структурализма (отчасти и постструктурализма) с "новым романом", постмодернизма – с эссеистикой. Вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что диалогичность и монолизм представляют собой асимметричную бинарную оппозицию, в рамках которой, одна из позиций является маркированной.

В современной отечественной науке о литературе плюрализм мнений, пришедший на смену монистическому советскому литературоведению, углубил и обострил противоречие между сторонниками научной поэтики и интерпретации. Одновременно в Украине начала развиваться постмодернистская ситуация, отражающая кризисный характер современного сознания. Тенденция выравнивания литературно-критических процессов выразилась в наступлении деконструктивизма, который, по мнению постмодернистов, перевел гуманитарные науки в ту область существующего научного знания, в которой находятся точные науки. Стратегия деконструкции, по Штайн, позволяет конкретизировать некоторые этапы феноменологического анализа. Переключение с анализа элементов центрации на децентрацию, изнаночные элементы ("неоструктурное в структуре") – практическая заслуга Фрейда, который обратился к подсознанию, проанализировал то, что обычно оказывается за пределами исследования. То, что было маргинальным, теперь рассматривается в единстве со структурным (центрирующим

щим любую систему), т.е. стало основой постструктурализма, философии "на краях", философии постмодерна.

Параллельно с развитием постструктурализма начался процесс формирования когнитивизма – макротеории, использующей междисциплинарный подход и объединяющей усилия ученых, в том числе и литературоведов, различных направлений: герменевтических школ, предметом исследования которых считается интерпретация, являющаяся, по мнению когнитологов, целенаправленной когнитивной деятельностью, и обладающая обратной связью с промежуточными и глобальными целями интерпретатора, и, например, постструктурализма, в рамках которого деконструкция представляет собой одну из когнитивных стратегий анализа текста.

Художественное произведение обладает возможностью не только показать авторскую мировоззренческую концепцию собственно художественными и непосредственно логическими средствами, но и донести её в форме знания до сознания личности. С точки зрения понимания, одним из модулей когнитивной системы человека, является "реконструкция намерений автора". По мнению когнитологов, в рамках данного модуля распознавание стратегического замысла автора представляет собой микротеорию интерпретатора о намерениях (целях и мотивах) автора с точки зрения "остранненности" (когда интерпретатор стремится посмотреть на вещи глазами автора) и степени теоретичности, глубины. Когнитивная система автора может быть выявлена только в самом произведении. Основу этой системы составляют бинарные оппозиции, деконструкция которых (в её дерридеанском варианте, согласно классификации Э.Истхоупа) позволяет выявить "доминантный код", специфический для мироощущения каждого писателя. В рамках когнитивной парадигмы жёсткие структуры монистических теорий становятся более гибкими и диалогичными. В то же самое время неограниченный плюрализм мнений и точек зрения сменяется более объективным подходом. Другими словами, естественным состоянием научного знания когнитивизм считает благожелательное диалогическое соперничество различных направлений.

Существующие ныне литературоведческие теории, при всём их разнообразии, не в состоянии охватить весь спектр проблем. В связи с чем, как украинские, так и зарубежные теоретики приходят к мысли о необходимости создания новых, более валидных теорий в литературоведении. В настоящее время В.Изер разрабатывает теорию интерпретации, которая выходит далеко за рамки не только литературоведения, но и герменевтики, в русле которой она когда-то зародилась. Основное требование этой теории заключается в утверждении примата функции над структурой. Р.Х. Яусс говорит о замене трёх культурно-исторических парадигм на четвёртую, объединяющую структуралистский и герменевтический подход и включающую в сфе-

ру эстетического освоения действительности сублитературу. В этом же направлении, объединяющем структуралистский и герменевтический подходы, в последние годы работал и Ю. Лотман. По словам Д. Бетеа, от "абстрактного он приближался к индивидуальному, от предсказуемого и повторяемого – к уникальному, от монологического и замкнутого (его семиотический метаязык) – к творческому (лингвистически гетерогенному и потенциально непредсказуемому)". К переосмыслению своей изначальной позиции подошёл В. Шкловский: "Меня на Западе, – писал он, – упрекают в измене самому себе <:>. А я хочу изменяться, потому что не устал расти" А. Веселовский всю жизнь работал над безличной историей словесности, а в старости написал замечательный психологический портрет Жуковского – без всякой связи с прежним, просто для отвода души. Ю. Тынянов стал писать роман о Пушкине, когда увидел, что тот образ Пушкина, который сложился в его сознании, не может быть обоснован научно-доказательно, а только художественно – убедительно: образ – главное, аргумент – вспомогательное.

Аналогичный путь проделали постструктуралисты, перейдя от структурализма к постструктурализму и постмодернизму, так как проблемы постмодернизма касаются вопросов не столько мировоззрения, сколько мироощущения, где на первый план выходит не рациональная, логически оформленная рефлексия, а глубоко эмоциональная, внутренне прочувствованная реакция современного человека на окружающий его мир. Постмодернизм соединил принцип свободы и неангажированности с принципом релятивизма, то есть с возможностью переходить от одного принципа к другому, менять мнения или художественную форму выражения, подчёркивая тем самым относительность и ограниченность всех установок и правил. Как справедливо отмечает В. Прозоров: "Сегодняшней теории литературы следует быть максимально открытой, "распахнутой" навстречу самым разным концепциям и при этом критичной к любому направленческому догматизму". Подобную задачу, на наш взгляд, в состоянии решить лишь макротеория, объединяющая усилия литературоведов различных направлений и не боящаяся проникновения в литературоведение других наук. Стратегия деконструкции, предложенная постмодернизмом, рано или поздно, перейдет к реконструкции текста в рамках когнитивной парадигмы.

Поступила в редакцию 3.09.2005 г.